

НОВГОРОДСКО-ПЕМЕЦКНИЕ ДОГОВОРЫ ИЛИ ЛИВОНСКИЕ АКТЫ?

Дипломатика древнерусских частных актов, а также государственных, касающихся внутренней истории, не раз являлась предметом исследования: разрабатывались ее общие методологические принципы, подвергались конкретному изучению отдельные акты и группы актов (работы А. С. Лаппо-Данилевского, С. Н. Валка, Л. В. Черепнина, С. М. Каштанова и др.). Гораздо хуже обстоит дело с дипломатикой международных актов Руси; эта область остается до сих пор почти нетронутой. Такая ситуация привела к тому, что при классификации международных актов и определении их видовой принадлежности допускались иногда ошибки, являвшиеся в первую очередь следствием нарушения основного принципа дипломатического исследования — изучения акта в единстве его содержания и формуляра. Руководствуясь изложенным принципом, мы хотим рассмотреть две грамоты, которые издателями ГВНП были определены как международные договоры Новгорода: это Договорная грамота Новгорода с Ливонским орденом о союзе от 25 февраля 1323 г. (№ 37)¹ и Договор Новгорода с немецкими купцами о спорных делах от 17 мая 1338 г. (№ 40).²

В обеих грамотах действительно излагаются условия договоров. В первой грамоте речь идет о «вечном союзе» между Новгородом и Ливонским орденом, важнейшими условиями которого являлись взаимная помощь против Литвы и полюбовное разрешение пограничных споров. Во второй грамоте перечисляются конфликты между новгородцами и немецкими купцами, по которым было достигнуто примирение, провозглашаются обязательства «истцу ведаться с истцом»³ и «где возникнет тяжба, там ее и решать», объявляется также, что возможные распри Новгорода со Швецией, датскими властями Эстонии, Ливонским орденом и епископствами не должны касаться немецких купцов. Таким образом, если исходить только из содержания обеих грамот, то правомерным будет определение их как договорных, что и было сделано издателями ГВНП. Но если обратиться к начальному и конечному протоколам рассматриваемых грамот, проанализировать их особенности и формуляр, то последует, как мы попытаемся показать, иной вывод. Прежде чем приступить к такому

¹ В ГВНП грамота датирована 28 января. Мы присоединяем к датировке, предложенной В. Л. Яниным (*Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 178).

² Названия заимствованы из ГВНП.

³ Формула «истцу ведаться с истцом» обязывала пострадавшего предъявлять иск к виновнику конфликта, а не возлагать ответственность на лиц одной с ним национальности, как это часто имело место в практике русско-пемецких торговых отношений средневековья.

анализу, охарактеризуем важнейшие признаки формуляра грамот, бесспорно являющихся международными договорами Новгорода рассматриваемого времени.

Наиболее ранний из внешнеполитических договоров Новгорода — договор 1191—1192 гг. с Готским берегом⁴ и немецкими городами о мире, о посольских и торговых сношениях и о суде — начинается следующим текстом: «Се язъ князь Ярославъ Володимѣричь, сгадавъ с посадникомъ с Мирошкою, и с тысяцкымъ, Яковомъ, и съ всѣми новгородъци, подтвердикомъ мира старого с посломъ Арбудомъ, и съ всѣми нѣмьцкымы сыны и съ гты и съ всемъ латиньскымъ языкомъ».⁵ Формула, входящая в состав приведенного текста — «Се язъ князь (имя рек), сгадавъ с посадникомъ (имя рек), и с тысяцкымъ (имя рек), и съ всѣми новгородъци (вечем), подтвердикомъ мира старого с (перечисление зарубежных послов, имя рек)», — типична для начального текста внешнеполитических договоров Новгорода конца XII—начала XIV в. Она повторяется с незначительными модификациями в начальной клаузуле договора Новгорода с Готландом, Любеком и немецкими городами 1259—1260 гг. и в проекте договора Новгорода с Любеком и Готландом 1269 г.⁶ Новгородско-немецкие договоры самого конца XIII—начала XIV в. нам неизвестны. Но о том, что интересующая нас формула бытовала во внешнеполитических договорах Новгорода вплоть до 20-х гг. XIV в., свидетельствует текст договора со Швецией 1323 г. (Ореховецкого договора), начинающийся словами: «Се язъ князь великий Юрии с посадникомъ Алфоромѣиємъ и с тысяцкимъ Аврамомъ съ всѣмъ Новымъгородомъ докончали есмь с братомъ своимъ с кнѣземъ свейскимъ с Манушемъ Ориковицемъ».⁷

Рассмотренная формула начального текста международных договоров Новгорода состоит из трех частей: в первой называются власти Новгорода, во второй констатируется факт заключения договора (сказуемое: «подтвердили», «докончали»), в третьей называются контрагенты Новгорода, с которыми был заключен договор.

В первых трех договорных грамотах конечный протокол по какому-то причинам отсутствует, в четвертой он выглядит следующим образом: «А взя[л]ъ князь великий миръ и весь Новгородъ [со] Свейскимъ княземъ и со всею Свѣискою землею и с Выбором в пятиницу за три дни передъ Успеніемъ святыя Богородици».⁸ Как мы видим, в конечном протоколе снова называются контрагенты договора и констатируется факт его заключения, кроме того, указывается дата заключения договора, но без приведения года, как это было свойственно русским актам того времени.

⁴ Готский берег — Готланд. (О дате договора см. статью Е. А. Рыбиной в этом томе).

⁵ ГВНП. № 28. С. 55.

⁶ ГВНП. № 29. С. 56; № 31. С. 58. (О дате договора, ратифицированного не ранее 1265 г., см. статью Е. А. Рыбиной в этом томе).

⁷ ГВНП. № 38. С. 67. См. также: Казакова Н. А. Начальный текст новгородско-немецких договоров XII—XV вв. // ВИД. Л., 1974. 6. С. 161—162, 171.

⁸ ГВНП. № 38. С. 68.

Разительно отличается от проанализированных начального и конечного протоколов внешнеполитических договоров Новгорода текст, читающийся в грамоте, определенной издателями ГВНП как договор Новгорода с Ливонским орденом 1323 г. Вот его начало: «Всех тех, кто эту грамоту видят и слышат, комтур венденский, господин Реймар Гане, и комтур дюнамюндский, господин Гинрих Гольтзете, господин Отто Брамгорн, господин Вольдемар фан Долен, господин Гинрих фан Паренбеке, господин Гельмольт фан Заген приветствуют пожеланием благополучия в госноде нашем Исусе Христе. Мы объявляем, что мы были от всего христианства (имеется в виду Орден. — Н. К.) в посольстве в Новгороде, и что мы с владыкой Давыдом, и с посадником Олфрореем, и с тысяцким Авраомом, и со всеми новгородцами, и со всеми их подданными заключили вечный союз»⁹ (далее следует изложение условий договора). Согласно приведенному тексту, авторами документа являются комтуры Вендена и Дюнамюнде и пять названных по имени «господ», очевидно рыцарей. Обращаясь ко всем, «кто эту грамоту увидит или услышит» («Alle de gene, de dessen breff sen und horen»), они объявляют («Kundich do wi»), что были в посольстве в Новгороде и заключили с ним вечный союз (далее, как мы уже говорили, излагаются условия договора). Таким образом, основное назначение документа состоит, согласно тексту его начального протокола, не в фиксации обеими сторонами факта заключения договора и его условий — фиксации, совершенном в момент заключения договора, а в «объявлении» (оповещении, свидетельствовании) об уже заключенном договоре.

За изложением условий договора в грамоте читается следующий конечный протокол: «В подтверждение мы для указанных выше русских привесли наши печати к этой грамоте, которая дана в год господа нашего 1323-й, в последнюю пятницу перед днем Святого креста. В подтверждение того, что подлинные русские грамоты, которые даны о союзе между новгородцами и всем христианством, от слова до слова так говорят, мы, господин Гинрик фан Паренбене, Гельмольт фон Заген, рыцари, свои печати к настоящему дословному списку привесли».¹⁰ В конечном протоколе в качестве действующих лиц вместо представителей обеих договаривающихся сторон (как это было в русско-шведском договоре 1323 г.) фигурируют лишь два рыцаря из числа перечисленных в начальном протоколе. Отсутствует и имеющееся в конечном протоколе Ореховецкого договора повторное фиксирование факта заключения договора. Вместо него указанные рыцари заявляют, что в подтверждение соответствия настоящей грамоты «подлинным русским грамотам», т. е. договорным грамотам (имеется в виду, конечно, лишь часть их текста, излагающая условия договора), они привесли к ней свои печати.

Рассматриваемую грамоту сближает с договорными наличие в ней изложений условий договора, но целевое назначение грамоты и осо-

⁹ ГВНП. № 37. С. 65.

¹⁰ ГВНП. С. 67.

бенности ее начального и конечного протоколов не позволяют отнести ее к разряду договорных. Перед нами грамота особого типа, не находящая аналогий среди русских актов. По-видимому, подобные грамоты, удостоверяющие заключение международных договоров, бытовали в Ливонии, о чем свидетельствует и вторая интересующая нас грамота (см. далее). В пользу принадлежности рассматриваемой грамоты немецкоязычной среде свидетельствует и ее начальная формула: «Alle de gene, de dessen breff sen und hogen». Она адекватна, например, формуле, с которой начинаются многие постановления, внесенные в скру — устав Немецкого двора в Новгороде.¹¹ О нерусском происхождении грамоты говорит и имеющееся в ее дате упоминание года, и к тому же от рождества Христова.

Вторая привлекающая наше внимание грамота от 17 мая 1338 г. названа, как уже отмечалось, издателями ГВНИ «Договором Новгорода с немецкими купцами о спорных делах». Между тем в начальном тексте грамоты отсутствует свойственное новгородско-немецким торговым договорам второй четверти XIV—начала XV в. перечисление властей и социальных слоев Новгорода, волей которых определялось заключение договора: архиепископ, наместник великого князя, посадник, тысяцкий, старосты купеческие, купцы, все новгородцы (вече).¹² Начинается грамота с той же формулы, что и грамота от 25 февраля 1323 г.: «Да будет ведомо всем людям, которые эту грамоту слышат и видят» («Dat si witlick al den luden, de dessen bref horet unde set»). Далее сообщается о приезде в Дерпт послов от заморского немецкого купечества и от Новгорода (и первые, и вторые называются поименно), о заключении ими договора «перед епископом Дерптским, перед господином Гирике фан Плесескове от магистра, и перед господином Вольдемаром фан Долеп, и перед господином Иоаганном фан Икскулье, и перед господином Энгельбрихтом Тизенгаузен, и перед господином Иоаганом фан Левенвальде, и перед господином Эйльгардом фан Врангеле». Далее перечисляются условия договора, затем сообщается о целовании креста представителями обеих сторон. Заканчивается грамота следующим текстом: «А в подтверждение того дела вышеназванные рыцари и Воген, фогт почтенного господина Дерптского, привесели свои печати к этой грамоте. Нанисано по Рождестве господне в 1338 году, в воскресенье перед вознесением господа нашего».¹³

В конечном протоколе грамоты действующими лицами являются рыцари и фогт дерптского епископа, которые в первой части грамоты выступают в качестве свидетелей заключения договора. Именно они, а не представители договаривающихся сторон, привешивают к грамоте свои печати. В конечном протоколе грамоты определено и ее назначение: «А в подтверждение того дела», т. е. факта заключения

¹¹ Schlüter W. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen von XIII. bis XVII. Jahrhundert. Dorpat, 1911. S. 128—129, 167, 168, 177.

¹² Казакова Н. А. Начальный текст повгородско-немецких договоров XII—XV вв. С. 163—167, 171.

¹³ ГВНИ. № 41.

Договора. Гётц назвал рассматриваемую грамоту «протоколом».¹⁴ Нам кажется, что лучше обозначить ее как удостоверительную: этому определению соответствует формулировка назначения грамоты — «в подтверждение того дела»,¹⁵ — данная в конечном протоколе. Проанализированная грамота аналогична рассмотренной выше грамоте от 25 февраля 1323 г. Обе они представляют особую разновидность ливонских актов и не являются внешнеполитическими договорами Новгорода.

Существует и второй вариант удостоверительной грамоты фогта дерптского епископа и рыцарей, который до сих пор в литературе не упоминался. Он повторяет в несколько измененном виде только что рассмотренную грамоту.¹⁶

Наличие двух экземпляров одной удостоверительной грамоты позволяет высказать предположение о практическом применении подобных грамот: они служили для оповещения лиц и учреждений, заинтересованных в акции, удостоверявшейся грамотой. Это предположение находит опору, как нам кажется, и в местонахождении грамот: оба варианта грамоты фогта и рыцарей дерптского епископа — и первый, подлинник, имеющий семь разрезов для прикрепления печатей, и второй, являвшийся современной копией, — хранились в архиве Любека. Подлинник был переслан из Дерпта рату Любека, и там, очевидно, с него была снята копия для дальнейшей пересылки адресатам, заинтересованным в мире между немецким купечеством и Новгородом. Добавим, что подлинник (единственный известный экземпляр) грамоты венденского и дюнемюндского комтуров и рыцарей Ордена от 25 февраля 1323 г. находился в архиве Ревеля, рату которого грамота была, вероятно, переслана для уведомления о заключенном между Новгородом и Ордепом договоре.

Итак, изучение привлеченных наше внимание грамот, в процессе которого мы попытались соединить анализ их содержания с анализом формуляра, позволило по-новому определить их видовую принадлежность.

¹⁴ Goetz L. K. *Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters*. Lübeck, 1922. S. 175.

¹⁵ В немецком тексте: «En tugginghe desser dinck». «Tugginghe» в ГВНП переведено как «подтверждение», но можно также перевести как «удостоверение», «засвидетельствование».

¹⁶ Lübeckisches Urkundenbuch. Lübeck, 1858. Theil II. Hälfte 2. № 673.